

ISSN 1813-193X

МНЕМОН

Исследования и публикации
по истории античного мира

Выпуск 19
№ 2

Санкт-Петербург
2019

СОДЕРЖАНИЕ

1. Статьи

<i>С. М. Жестоканов.</i> Коринф и Мегары на рубеже Темных веков и Архаического периода	7
<i>А. С. Соловьева.</i> Развитие представлений о законе в архаической Греции: от θεσμός к νόμος	16
<i>С. А. Тахтаджян.</i> Эгоистическая калькуляция в первой тетралогии Антифонта	26
<i>М. М. Холод.</i> Возвышение Македонии и установление македонской гегемонии в Балканской Греции (материалы к лекции)	37
<i>А. Г. Грушевой.</i> Интеграция греческих полисов Малой Азии в римский мир в конце II в. до н. э. и начале I в. до н. э. на примере Пергама и Приены	51
<i>И. С. Буклагина.</i> Эпитафия скифского царя и история Боспора	72
<i>Д. А. Щеглов.</i> Длина стадия по данным «Стадиасма из Патары»	79
<i>А. Д. Пантелеев.</i> Языческая критика христианства (материалы к лекции)	85
<i>А. В. Каргальцев.</i> Суд над Киприаном Карфагенским 258 г.	107
<i>И. Н. Степанов.</i> Аппиан Александрийский в оценках историков нового времени	116

2. Хроника научной жизни

<i>О. Ю. Климов, Е.В. Никитюк.</i> К юбилею Марины Владимировны Скржинской	144
<i>О. Ю. Климов, М. М. Холод.</i> Буркхард Майсснер — к юбилею коллеги	157

Языческая критика христианства (материалы к лекции)

Пантелеев, Алексей Дмитриевич — кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории; Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; e-mail: a.panteleev@spbu.ru.

Публикация представляет собой конспект лекции, посвященной антихристианской полемике во II–IV вв. В центре внимания находятся обвинения, выдвинутые в сочинениях Фронтонна, Лукиана, Цельса, Порфирия и императора Юлиана.

Ключевые слова: Римская империя, раннее христианство, Фронтон, Лукиан, Цельс, Порфирий и император Юлиан.

Pagan criticism of Christianity

Panteleev, Aleksey Dmitrievich — Candidate of History, Associate Professor, St. Petersburg State University, Institute of History; 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: a.panteleev@spbu.ru.

This publication is a summary of a lecture on anti-Christian controversy in the 2nd–4th centuries; the focus is on the writings of Fronton, Lucian, Celsus, Porphyry and the Emperor Julian.

Keywords: Roman Empire, Early Christianity, Fronton, Lucian, Celsus, Porphyry and the Emperor Julian.

Предлагаем вниманию читателей конспект лекции, посвященной антихристианской полемике во II–IV вв. В центре внимания находятся обвинения, выдвинутые в сочинениях Фронтонна, Лукиана, Цельса, Порфирия и императора Юлиана. Материал этой лекции затрагивается в рамках курсов «История раннего христианства» (II курс, бакалавриат, История искусств) и «Возникновение христианства» (IV курс, бакалавриат, История). В качестве приложения приведен расширенный список современной научной литературы, посвященной отдельным аспектам этой полемики; надеемся, что эта публикация окажется полезной как студентам СПбГУ и других ВУЗов, так и коллегам.

Большая часть античного общества считала христиан в лучшем случае недалекими простецами, а в худшем преступниками, заслуживающими смерти. Не более лестного мнения о последователях Христа были и римские интеллектуалы: авторы начала II века в один голос говорят о них как о «приверженцах нового и зловредного суеверия». Тацит видит в христианах «врагов рода человеческого», а Светоний, перечисляя немногие достойные деяния Нерона, упоминает среди них преследование христиан. Этой оценке вторит видный администратор Плиний Младший в письме императору Траяну: «Я не обнаружил ничего, кроме безмерно уродливого суеверия» (*Плиний Мл. Письма, X, 96*). Римляне не испытывали никакого желания разбираться в деталях этого нового и странного учения; его следовало уничтожить, пока оно не успело широко распространиться в Риме, «куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев» (*Тацит. Анналы, XV, 44*). Христиане достойны лишь жалости, и она проскальзывает у Тацита, сочувствующего жертвам жестокости Нерона, и у Плиния, который, проведя расследование и не обнаружив у них никаких преступлений, просит императора о смягчении участи тех, кто отрекся от Христа и принес жертву языческим богам.

Писатель и ритор Лукиан упоминает христиан в сочинениях «О смерти Перегрин» и «Александр, или Лжепророк». Первое из них — биография философа-киника, который был «готов умереть, лишь бы оставить после себя славу»; он кончил жизнь публичным самоожжением на Олимпийских играх 165 г. Лукиан характеризует своего героя как отцеубийцу, развратника и проходимца. Впрочем, другие античные авторы отзываются о Перегрине — это лицо историческое — как о человеке серьезном и надежном, и возможно, он не бесосновательно пользовался прозвищем «второго Сократа».

Во время своих странствий Перегрин столкнулся в Палестине с «удивительным учением христиан». В скором времени он стал главой общины, толкуя и объясняя священные тексты, и пользовался большим уважением за свою ученость. После ареста за принадлежность к христианам Перегрин ежедневно посещался единоверцами, а у дверей темницы с самого утра толпились старухи, вдовы и сироты. Христиане немедленно принялись хлопотать о его освобождении, причем пришли даже посланники из Малой Азии. Перегрин был отпущен на волю правителем Сирии и некоторое время на средства общины вел жизнь бродячего проповедника, пока не был изгнан за какой-то проступок. Лукиан отзывается о самих христианах так: «Эти несчастные уверили себя, что они станут бессмертными и будут вечно жить; вследствие этого они и презирают смерть, а многие даже ищут ее сами. Кроме того, первый их законодатель вселил в них убеждение, что они братья друг другу по»

сле того, как отрекутся от эллинских богов и станут поклоняться своему распятому софисту и жить по его законам. Поэтому они одинаково все презирают и все доходы считают общим, так как подобное учение они принимают без достаточных доказательств. Так вот, когда к ним приходит обманщик, мастер своего дела, умеющий использовать обстоятельства, — он скоро делается весьма богатым, издеваясь над простецами» (13; пер. Н. П. Баранова).

Вторично христиане упоминаются в памфлете «Александр, или Лжепророк». Это произведение описывает жизнь Александра из Абонутиха (маленького городка в Пафлагонии), его выдумки, проделки и предсказания. В глазах Лукиана Александр заслуживает еще меньше уважения, чем Перегрин. Он называет его «трижды проклятым человеком», достойным «не того, чтобы о нем читали образованные люди, но чтобы его разорвали на части обезьяны или лисицы в каком-нибудь громадном театре на глазах у всего народа» (3).

Александр осознал, что «человеческая жизнь находится во власти двух величайших владык — надежды и страха — и что тот, кто сумеет по мере надобности пользоваться обоими, очень быстро разбогатеет». Около 150 г. Александр и его напарник, некий Коккон, решили для собственного обогащения учредить оракул нового божества. Была проведена большая подготовительная работа, в самом конце которой Коккон умер, но Александра это не остановило. Он устроил целое представление, в результате которого простой народ поверил в то, что в городе появилось божество Гликон — Новый Асклепий. После основания святилища Александр объявил, что, начиная с определенного момента, новый бог будет пророчествовать. Все желающие, заплатив небольшую плату, могли получить ответы на свои вопросы. Вопросы подавались на тщательно запечатанных табличках, и эти таблички возвращались в точно таком же виде, но с приложенным ответом. Это, как и другие «чудеса», делалось при помощи нехитрых уловок. Оракул быстро вошел в моду, к его услугам прибегали весьма значительные лица среди которых были правитель Азии Рутулиан и даже сам император Марк Аврелий. Александр всерьез занимался рекламой своего святилища по всей Империи, и его доходы неуклонно возрастали; ничего не смогли изменить ни сочинение Лукиана, шокированного очевидным мошенничеством, ни критика со стороны эпикурейцев.

Среди прочих священнодействий и ритуалов, Александр придумал для своего бога и некие мистерии с факельным шествием. Представление таинств начиналось с возгласа: «Если какой-нибудь безбожник, христианин или эпикуреец придет подсматривать наши тайные богослужения, он будет изгнан». Александр первый произносил: «Христиан — вон», а толпа отвечала: «Вон

эпикурейцев» (38). Это еще одно свидетельство того, что христиане воспринимались как «атеисты», не признающие никаких богов.

Христиане появляются в этих произведениях Лукиана лишь в качестве фона деятельности главных героев. Он не упрекает их ни в каннибализме, ни в разврате, а напротив, относится к ним даже с некоторым сочувствием. Для Лукиана христиане — малообразованные и легковверные люди, поклоняющиеся своему «распятому софисту» и являющиеся жертвами обмана со стороны всевозможных жуликов и проходимцев.

Похожее пренебрежительное отношение к ним мы встречаем и у других авторов. Несколько раз упоминает христиан знаменитый римский врач Гален. В трактате «О разновидностях пульса», полемизируя с медиком Архигеном, он говорит: «Гораздо лучше было бы снабдить это (мнение Архигена) если не строгим доказательством, то хоть каким-нибудь убедительным обоснованием, чтобы не пришлось с самого начала, словно придя в школу Моисея или Христа, слушать о ни на чем не основанных законах, причем о таких вещах, для которых это наименее уместно» (II, 4). В арабском фрагменте сочинения Галена содержится еще одно упоминание о христианах: «Большинство неспособно придерживаться каких-либо положений, которые надо доказывать, поэтому они нуждаются в притчах и черпают из них пользу... Как сейчас мы видим, люди, называемые христианами, имеют основой своей веры притчи (и чудеса), и тем не менее, некоторые идут тем же путем (как и те, кто философствует), так как их презрение к смерти (и к тому, что за ней следует) очевидно для нас каждый день, и точно так же мы видим их сдержанность в личной жизни. Ибо в их число входят не только мужчины, но и женщины, которые всю жизнь воздерживаются от сношений с противоположным полом; и среди них есть люди, которые своим воздержанием, самоконтролем в вопросах еды и питья и преданностью справедливости достигли высот не ниже, чем те, что достигнуты истинными философами». Гален упоминает христиан и иудеев как носителей определенного склада ума, который в принципе не совместим с эллинской философией, а основывается на недоказуемой вере. Христиане служат у него иллюстрацией бездумной приверженности своим взглядам, никак не соотносящимся с реальностью и рациональным мышлением.

Упоминание о христианах встречается у Марка Аврелия, римского императора и приверженца стоической философии. Он пишет: «И чтобы готовность эта (умереть) шла от собственного суждения, а не из голой воинственности, как христиан, — нет, обдуманно, строго, убедительно и для других, без театральности» (*Размышления*, XI, 3). Разумный человек принимает решение об уходе из жизни после долгого и тщательного размышления, а христианин готов умереть только из-за своей веры, ничем не доказуемой и не проверяемой.

Возможно, какие-то отсылки к христианской религии и ее приверженцам, хотя они и не упоминаются по имени, содержатся и у других авторов: философа-стоика Эпиктета (*Беседы*, II, 9,19–22; IV, 7,1–6), писателя и философа Апулея (*Метаморфозы*, IX, 14; *Апология*, 56), риторика Элия Аристида (*В защиту четырех мужей*, II, 394 сл.), но они носят менее очевидный характер. В любом случае, отметим, что для авторов середины и конца II в. христиане — это темные, необразованные люди, которые верят в недоказуемые вещи в такой степени, что готовы умереть ради них. За два века они успели стать привычной мишенью для осмеяния даже в среде интеллектуалов. Но если у этих авторов христиане фигурируют лишь как экзотический фон или в качестве примера слепой веры, то начиная с середины II в. начинают появляться специально антихристианские сочинения. К сожалению, ни одно из них не сохранилось в полном объеме; можно лишь реконструировать их содержание по опровержениям в христианской литературе.

Первый образец сочинений такого рода — речь, которую мы обнаруживаем в диалоге «Октавий» христианского автора Минуция Феликса. В диалоге, написанном по образцу цицероновских сочинений, участвуют трое: сам Минуций Феликс, защитник христианства Октавий Януарий и язычник Квинт Цецилий Наталий. В начале диалога Цецилий произносит пламенную речь, направленную против христиан. Похоже, что Минуций Феликс воспользовался каким-то уже существовавшим сочинением, направленным против новой веры; большинство ученых в настоящее время считают, что в ее основе лежит речь, написанная ритором Марком Корнелием Фронтоном (100–166 гг.), учителем императора Марка Аврелия.

Цецилий начинает с того же, что и Гален: «Некоторые, не давая себе труда глубоко исследовать истину, поддаются без рассуждения любому мнению вместо того, чтобы упорно и настойчиво производить тщательное исследование. Особенно должно вызывать всеобщее негодование и сожаление, что некоторые, притом несведущие в науках, невежды, незнакомые даже с низким искусством, дерзают высказывать определенные суждения о сущности вещей и о величии бога, о чем сама философия всех направлений в течение стольких веков до сих пор остается в нерешительности» (5). Затем он переходит к более серьезным обвинениям: «Как же можно не возмущаться, когда против богов выступают люди жалкой, запрещенной, отчаянной секты? Они составляют клику для безбожного заговора, набрав из самых подонков наиболее невежественных людей и легковверных женщин, склонных к заблуждению по легкомыслию своего пола; заговорщики, устраивая ночные сборища, торжественные посты, бесчеловечные трапезы, объединяются не для религиозной церемонии, а для преступления; это — скрытый, боящийся света на-

род; на людях они немы, в укромных уголках болтливы; они презируют древние храмы, плюют на богов, смеются над святынями; жалкие сами, они выражают, когда это возможно, свою жалость к жрецам; сами полуголые, они отвергают почести и пурпур и — какая удивительная глупость и невероятная дерзость! — презируют верные мучения в настоящем, но боятся неизвестных в будущем; они боятся умереть после смерти, а пока они умереть не боятся: вот до чего у них надежда заглушает страх, обольщая утешительной мечтой о воскресении».

После этого следуют уже обсуждавшиеся нами обвинения в поклонении голове осла, каннибализме, «отвратительной похоти» и тому подобных гнусностях. Христиане создали тайное общество и поклоняются никому не понятному богу. Но обсуждаются и некоторые моменты вероучения, а именно, Страшный суд и воскресение тел: «Мало того, они угрожают всей земле и самой вселенной с ее светилами пожаром, предсказывают им гибель, как будто бы установленный божественным законом вечный порядок может нарушиться, связь всех элементов — порваться, система небесная — распасться, та масса, которая ее поддерживает и окружает, — обрушиться. Не довольствуясь этим безумным представлением, они придумывают и прибавляют бабьи сказки: они заявляют, что они возродятся после смерти, когда превратятся уже в прах и пепел, и с какой-то непонятной уверенностью сами верят в свои измышления: можно подумать, что они уже пробовали оживать. Двойное зло, двойное безумие: небу и звездам, которые мы покидаем такими, какими застали, они предвещают гибель, а себе, рождающимся и умирающим, как и все мы, они обещают вечность после того, как умрут и будут уничтожены!» (11).

Весь текст показывает, что автор специально не изучал христианское учение, ограничившись лишь пересказом распространенных слухов и сплетен¹. Речь Фронтонна позволяет увидеть, как воспринимались христиане II в. ревнителями римской старины и образованными людьми. Христианство считалось чем-то безусловно вредным и отталкивающим и, конечно, не могло идти и речи о более подробном его изучении.

Сочинение Цельса «Правдивое слово» (*Ἀληθὴς Λόγος*) знаменует новый этап в восприятии христианского вероучения образованными римлянами. Написанное во время правления Марка Аврелия, в 177–178 гг., оно на протяжении почти 70 лет оставалось без ответа. Лишь в 248 г. Ориген по просьбе своего друга и покровителя Амвросия пишет трактат «Против Цельса»;

¹ Те два положения, на которые обрушивается Цецилий, смущали не только его, но и других образованных язычников. Еще когда Павел проповедовал в Афинах и дошел до конца света и воскресения, то «одни насмехались, а другие говорили: об этом слушаем тебя в другое время» (*Деяния, 17:32*).

именно из его цитат и парафраз мы можем восстановить структуру и содержание «Правдивого слова». О самом Цельсе нам ничего не известно, впрочем, уже Ориген не мог утверждать о нем что-то определенное. Иногда Цельса называют эпикурейцем, но это не так; скорее, его можно отнести к господствовавшему в то время среднему платонизму². Возможно, это то же самое лицо, которому Лукиан посвящает своего «Александра», но это предположение остается гипотезой.

Это сочинение — важнейший источник по истории раннего христианства: если его предшественники не шли дальше пересказа слухов, то Цельс демонстрирует большую осведомленность. Он изучал Ветхий Завет, христианскую литературу, принадлежавшую различным направлениям, а кроме того, лично беседовал с верующими во время путешествий в Сирию, Палестину и Египет.

Цельс критикует христианство, но говоря о Ветхом Завете, нападает и на иудаизм. Обсуждая рассказ о творении мира и человека, он пишет: «Моисей и пророки, не имея представления о том, какова природа человека, нагородили горы чепухи» (*Ориген. Против Цельса, VI, 50*; здесь и далее пер. А. Б. Равновича); вообще же, иудейская космогония и обычаи заимствованы у других народов (*I, 21*). Он хорошо понимает разницу между христианами и иудеями: «Обе стороны верят, что было пророчество от духа божьего о грядущем спасителе рода человеческого; они расходятся только по вопросу о том, явился ли уже предвещенный спаситель или нет» (*III, 1*).

Переходя к Новому Завету, Цельс обращается к критическому разбору жизни и учения Иисуса. По его мнению, слова пророков, которые христиане относят к Христу, не имеют к нему никакого отношения: «Пророчества гораздо убедительнее можно применить к тысячам других, чем к Иисусу» (*II, 28*). Происхождение Иисуса темно, Цельс приводит рассказ о римском солдате Пантере, соблаздившем Марию (*I, 32*). Иисус выучился магии в Египте, и с ее помощью он и творил чудеса. Цельс невысокого мнения о моральном облике создателя христианства: он аттестует его как «прощельгу» (*II, 29*), хвастуна, грубого лжеца и нечестивца (*II, 9*). В самом начале своей проповеди он собрал вокруг себя «десять или одиннадцать приверженцев, отпетых людей, самых низких мытарей и лодочников» и вместе с ними «бродяжил тут и там, с трудом добывая жалкое пропитание» (*I, 62*).

Иисус для Цельса — «нечестивый чародей»: это обвинение повторяется неоднократно (*I, 71; II, 32; II, 49; VIII, 41*)³. Он никого не в состоянии убе-

² В сохранившихся фрагментах Цельс 28 раз цитирует Платона, 7 — Пифагора, но нет ни одной ссылки на Эпикура.

³ Тема колдовства весьма интересует Цельса. Он пишет: «Сила христиан заключается, по-видимому, в знании имен неких демонов и (в применении) заклинаний» (*I, 6*); «У некоторых пресвитеров я видел варварские книги, содержащие имена демонов и

дить, поэтому постоянно грозит будущими карами и бранит своих слушателей (II, 76). Не в его пользу говорит и то, что он был предан апостолами: хорошего или полезного руководителя не выдают даже разбойники, а значит, он не смог убедить в своей правоте собственных учеников (II, 12). Все слова Иисуса о небесном отце — выдумка, так как этот отец не помог своему сыну на кресте. После распятия, чтобы хоть как-то объяснить произошедшее с «сыном божьим», «ученики выдумали, будто все приключившееся с ними он предвидел и предсказал» (II, 13). Его божественность — выдумка, как и рассказ о воскресении, расправленный истеричными женщинами: «Откуда это труп оказался бессмертным?» — недоумевает Цельс.

Наиболее ожесточенно Цельс нападает на два положения христианского учения: на воплощение и воскресение плоти. Воплощение подразумевает то, что бог или сын бога «не то сошел, не то сойдет на землю» (IV, 2). Но в чем смысл такого сошествия? Если бог не знает того, что делается на земле — он не всеведущ, а если без воплощения невозможно повлиять на происходящее на земле, то он не всемогущ. Если бог захотел дать людям знание, то о чем он думал все прошедшее время (IV, 2–7)? Такими предположениями христиане оскорбляют бога и приписывают ему смертную природу: «Если он спускается к людям, ему приходится измениться, (причем) изменение (будет) из доброго в злое, из прекрасного в безобразное, из блаженного в несчастного, из наилучшего в наихудшего» (IV, 14). «Иудеи и христиане! Ни один бог и ни один сын божий не спускался и не стал бы спускаться на землю», — обращается Цельс к своим противникам. Но даже если и предположить, что бог вочеловечился и спустился на землю, то почему он действовал лишь в одном уголке земли? Почему он послал своего сына к людям, которые казнили его? Всем этим рассказам не стоит верить.

Слова о воскресении плоти являются следствием неверного понимания платоновского учения о переселении душ. Христиане говорят о воскресении волшебные средства» (VI, 40); «(Допустим, что правда) все то, что рассказывают морочащие (читателей) ученики твои насчет исцелений, воскресения, о нескольких хлебах, насытивших толпу, и о всем прочем; поверим, что ты все это совершил: (но ведь ничем не хуже) дела чародеев, обещающих еще более удивительные вещи, и то, что совершают выученики египтян, отдающие посреди рынка за несколько оболв свои замечательные знания, изгоняющие бесов из людей, выдувающие болезни, вызывающие души героев, ... приводящие в движение не существующих в действительности животных, являющихся таковыми лишь для воображения» (I, 71). Далее мы читаем: «Некий египетский музыкант Дионисий, с которым мне случилось встретиться, сказал мне относительно магии, что она действительна лишь по отношению к необразованным и развращенным людям, а на людей, занимавшихся философией, она никакого действия произвести не в состоянии, так как они своевременно позаботились (создать себе) здоровый образ жизни» (VI, 41).

после огромного пожара, когда бог, подобно повару, изжарит все человечество во время страшного суда, «притом не только живые, но и давно умершие вылезут из земли во плоти» (V, 14). «Воистину надежда червей!» — восклицает Цельс и замечает, что это учение настолько отвратительно, что далеко не все иудеи и христиане принимают его. Тела никогда не станут такими, как они когда-то были, лишь души способны к вечной жизни.

Неудивительно, что христианство распространяется лишь среди необразованных простолюдинов. Да и сами христиане не желают видеть никого образованного, они говорят: «Мудрость в мире — зло, а глупость — благо» (I, 9). Они рассказывают об Иисусе, а затем говорят: «Уверуй, если хочешь спастись, или отыди» (VI, 18). Ни один разумный человек не согласится с их рассуждениями, поэтому к кому обращаются христиане? «Кто грешник, кто неразумен, кто недоразвит, попросту говоря, кто негодяй, того ждет царство божие», — говорят они (III, 59). Откуда это предпочтение грешников? Что плохого в достойной жизни? Чем воры, взломщики, отравители, свято-тапцы, осквернители могил лучше праведников? Учение христиан рассчитано на чернь, которая неспособна понять истину, высказанную некогда выдающимися мужами вроде Платона. Они «плохо восприняв от других, извратили по невежеству, проявив с самого начала сразу неприличную смелость насчет предмета, которого не знают» (V, 65).

Цельс дает красочную зарисовку того, как христиане распространяют свое учение: «Мы видим, что и в частных домах шерстобитчики, сапожники, валяльщики, самые грубые мужланы, в присутствии старших и более разумных господ не смеют рот раскрыть; но когда им удастся заполучить к себе отдельно детей и каких-либо глупых женщин, они им рассказывают удивительные вещи, что не надо оказывать почтение отцу и учителям, а слушаться только их самих; те, мол, глупости болтают, у них мысль парализована, они в сущности не знают и не умеют делать ничего прекрасного, находясь в плену пустых предрассудков; зато только они сами знают, как надо жить; если дети их послушаются, они будут счастливы, и дому явится счастье. А если во время таких речей они увидят, что подходит кто-либо из наставников в просвещении, кто-либо из людей разумных или сам отец, то более осторожные из них ступшеваются, а более дерзкие подстрекают детей сбросить узду, нашептывая, что в присутствии отца и учителей они не захотят и не сумеют проповедовать детям добро» (III, 55).

«Проповедники (христианства) поступают подобно тому, кто обещает исцелить тело, но отговаривает от обращения к знающим врачам, (боясь), что те уличат его в невежестве. (Христиане) прибегают к простодушным и малолетним невеждам, говоря им: “Избегайте врачей”, “Смотрите, чтобы кто-нибудь

из вас не коснулся знания”, “Знание — зло, знание отклоняет людей от здоровья души”. “Только я спасу вас (говорит их учитель), а врачи губят тех, кого обещают исцелить”» (III, 75). Цельс критикует отношение христиан к языческим религиям. Они смеются над могилой Зевса, которую показывают на Крите, но сами поклоняются распятому, они почитают ветхозаветных пророков, но отбрасывают авторитет пророчиц в Дельфах или Додоне. Они почитают не бога, а труп. Если им хочется поклоняться человеку, то можно выбрать более подходящую фигуру: ветхозаветных Иону или Даниила или греческих Орфея или Эпиктета (VII, 53). Бог христиан бессилен: «Ведь этот бог, обещавший своим приверженцам это и гораздо больше этого, (сами) видите, насколько помог тем (евреям) и вам: у тех, вместо того, чтобы им стать владыками всей земли, не осталось ни клочка земли, ни очага, а из вас если кто еще бродит, скрываясь, то его разыскивают, чтоб наказать смертью» (VIII, 69).

Стоило христианам только появиться, как они разделились на множество сект, которые враждуют между собой: «Каждый из них (почитает) другого учителя и демона, жестоко обманываясь и блуждая в глубокой тьме... Они злословят друг против друга ужаснейшим образом, (изрыгая) явные и тайные (проклятия), они ни по одному пункту не могут прийти к соглашению, они во всем гнушаются друг друга» (I, 63). Христиане образовали тайное общество (I, 1), они отгородились стеной от остального мира (VIII, 2).

В конце своего труда Цельс призывает христиан отказаться от своего образа жизни и стать достойными гражданами Империи, чтящими богов и императора. «Ибо если все будет поступать, как ты, то не будет препятствий к тому, чтоб он остался один, всеми покинутый, а все на земле досталось беззаконнейшим и самым диким варварам, и у людей не останется славы ни о твоём благочестии, ни об истинной мудрости. Ты ведь, конечно, не скажешь, что если бы римляне, послушавшись тебя, пренебрегли установленными у них законами в отношении богов и людей и стали призывать твоего всевышнего или кого хочешь, то он сойдет с неба и будет сражаться за них, и никакой другой силы не потребуется» (VIII, 68–69).

Это те обвинения, которые перечисляет Ориген. Мы никогда не узнаем, какую часть сочинения Цельса Ориген не стал пересказывать, но даже то, что мы имеем, показывает, с чем сталкивались христиане в повседневной жизни. Что-то из этих упреков ко времени Оригена утратило свое значение, как например, обращение к малообразованным людям. Но, тем не менее, некоторые из них Оригену не удается толком отвести. В ответ на обвинение в том, что христиане «уводят детей», Ориген отвечает, что они не уводят их от добрых вещей и не направляют ко злу, а на упрек Цельса в уклонении от службы Риму Ориген отвечает, что христиане своими молитвами больше помога-

ют империи, чем те, кто сражается. Вряд ли эти ответы могли всерьез удовлетворить оппонентов.

«Правдивое слово» написано в жанре философского опровержения; этим жанром пользовались сторонники различных школ в полемике друг с другом⁴. Конечно, Цельс не воспринимал христианство как философскую школу, а просто воспользовался привычной для него литературной формой, но с III в. полемикой с христианством начинают заниматься профессиональные философы, и будущее лишь упрочит эту тенденцию: самыми последовательными противниками религии Христа стали приверженцы неоплатонизма, системы, созданной Плотинем в III в. Сам Плотин в нескольких трактатах спорит с гностиками, упрекая их в непонимании и извращении учения Платона, но христианства в целом он не касается. Плотин доказывает абсурдность как гностических идей о том, что космос зол и творец этого мира зол, так и на то, как они это доказывают: «Такие рассуждения исходят от людей, пытающихся сказать что-то новое с помощью соединения различных учений; ведь поскольку они не знают древнего эллинского языка, они ищут наощупь такие вещи – в то время как эллины их ясно представляли себе... Вообще кое-что ими взято у Платона, а то новое, что они вносят, чтобы создать свою собственную философию, не имеет никакого отношения к истине» (*Энеады*, II, 9, 6).

Неоплатонику Порфирию принадлежит следующий большой антихристианский труд, который так и назывался — «Против христиан»; перевод фрагментов этого сочинения осуществлен А. Б. Рановичем. Порфирий (232–304 гг.) родился и получил образование в сирийском городе Тире, а в 262 г. переехал в Рим, где примкнул к школе Плотина. Уже тогда он приобрел навыки применения научного анализа к религиозным текстам. Плотин критиковал сам и поручал своим ученикам разбор различных гностических сочинений, показывая, что взгляды, высказанные в них, являются искажением учения Платона, а отнесение их к глубокой древности — фикция. Сам Порфирий, по его собственным словам, в то время «собрал много доводов против Зороастра, доказывая, что книга его — подложная, лишь недавно сочиненная, изготовленная самими приверженцами этого учения, желавшими выдать собственные положения за мнение древнего Зороастра» (*Порфирий. Жизнь Плотина*, 16). Этот метод был им в полной мере применен при разборе сочинений, входящих в состав Ветхого и Нового Завета. К Библии обращался еще Цельс, но его знакомство с писанием было поверхностным, и Оригену нетрудно было продемонстрировать, что он упускает из вида важные вещи. Порфирий был намного более серьезным оппонентом. Он знал иудаизм едва

⁴ Так, можно вспомнить сочинения Аттика против перипатетиков или Плутарха против стоиков или эпикурейцев.

ли не лучше самого Оригена, и для подтверждения своих положений часто цитировал священные тексты. Из-за этого возникла легенда о том, что Порфирий был отступником, который покинул Церковь из-за личных размолвок (*Сократ Схоластик. Церковная история, III, 23*).

Труд Порфирия «Против христиан» в 15 книгах был выдающимся произведением. Это сочинение вызвало весьма обстоятельные возражения со стороны церкви, с ответными работами выступили Мефодий Тирский, Евсевий Кесарийский, Аполлинарий и Филосторгий, причем Евсевий посвятил опровержению Порфирия 20 книг, а Аполлинарий — 30. В конце концов, в 448 г. появился указ императоров Валентиниана III и Феодосия: «Императоры Феодосий и Валентиниан Августы — префекту претория Гормизду. Предписываем все, что Порфирий (или кто-либо другой), гонимый своим безумием, написал против благочестивой веры христианской, где бы оно ни было обнаружено, предать огню. Ибо мы хотим, чтобы всякие произведения, вызывающие гнев божий и оскорбляющие душу, не достигали даже до слуха людей». Что же вызвало такую резкую реакцию?

Для того, чтобы лишить христианство фундамента, Порфирий обращается к Ветхому Завету. Он утверждает, что те книги, которые приписываются Моисею, написаны не им, а Ездрой, который жил спустя несколько веков. Образцовым является разбор книги пророка Даниила. Порфирий демонстрирует, что это сочинение относится не ко временам царя Навуходоносора (VI в. до н.э.), а составлена значительно позже, во время царствования Антиоха IV Епифана (II в. до н.э.). Этот вывод основывается на том, что до времени Антиоха все пророчества, содержащиеся в ней, оказываются верными, «а то, что сверх этого — все ложь, ибо будущего он (автор) не знал». Порфирий заключает это на основании изучения исторических сочинений Полибия, Посидония, Диодора, Филона из Библа и других античных авторов. Кроме того, он обращается к языку сочинения и доказывает, что его автор был скорее греком, чем иудеем.

Что касается Нового Завета, Порфирий уличает евангелистов в ошибках при ссылках на иудейских пророков, обращает внимание на расхождение между рассказами разных евангелий и демонстрирует несообразности в посланиях Павла. Его критика затрагивает и форму, и содержание новозаветных писаний. Рассматривая чудо Иисуса, когда он изгнал бесов из одержимого и вселил их в стадо свиней, он удивляется: «Как это в Иудее паслось тогда такое множество свиней — животных самых грязных и издавна ненавидимых иудеями — и как все эти свиньи утонули, хотя это было озеро, а не глубокое море?». Не убеждает Порфирия и рассказ о том, как Иисус усмирил бурю на Галилейском море: «Те, кто правильно сообщают об этой местности, гово-

рят, что там нет моря, а небольшое образовавшееся из реки озеро под горой в направлении Галилеи у города Тивериады; даже на маленьком челноке легко переплыть его не больше чем в два часа, и ни волнение, ни буря на нем не могут разыграться».

Порфирий критикует не только несообразности в евангельском рассказе, но и осуждает его этическую недостаточность. О том же чуде с бесами и свиньями он говорит: «Как можно, слушая, как бесы просят, чтоб их не отправили в бездну, а Христос затем по их просьбе не отправил их, а насрал их на свиней, — как можно не воскликнуть: фу, какое невежество! фу, какое заблуждение — внять просьбе духов-убийц, причиняющих большой вред миру, и позволить им то, чего они хотели! А хотели эти бесы веселиться в жизни и неустанно превращать мир в забаву; они хотели смешать землю и море и превратить вселенную в печальное зрелище; они хотели потрясти стихии в их основах и привести к гибели мироздание».

Кроме того, Порфирий обращает внимание на разногласия между Петром и Павлом. По его словам, между ними произошла «ссора и драка», которая показывает, что если эти два «князя церкви» не согласны между собой, то и остальные их догматы вымышлены.

Не оставляет он в стороне и традиционные выпады против учения о воскресении тел. Порфирий спрашивает, как быть с человеком, который потерпел крушение, затем его тело съели морские рыбы, затем рыбаки выловили их, съели, эти рыбаки были затем убиты и съедены собаками; когда собаки умерли, вороны и коршуны целиком их сожрали. Как же теперь восстановить тело потерпевшего крушение, растворившегося в таком количестве животных? Да и другие, опять-таки, то уничтоженные огнем, то изъеденные червями, как могут вернуться снова к прежнему состоянию? «Ты скажешь мне, что для бога это возможно; но это неправда: бог не все может. Он никак не может сделать так, чтоб Гомер не был поэтом и чтоб Троя не была взята; когда мы складываем дважды два и получаем четыре, он не может сделать, чтобы получилось сто, даже если б он так решил».

Как и для Цельса, христиане для Порфирия — колдуны. «Люди деревенские и бедные, они, ничего не имея, посредством магических искусств сотворили несколько чудес». Но совершать чудеса — дело невеликое: ведь чудеса «совершали и маги в Египте, состязаясь с Моисеем, совершал и Аполлоний, совершал и Апулей, и несчетно чудес они совершили».

В целом же, его позиция к христианству сформулирована так: «Да разве не во всех отношениях нечестивы и безбожны те, кто отступился от отеческих богов, которыми держится всякий народ и всякий город? И могут ли рассчитывать на что-нибудь доброе те, кто стали врагами и противниками своих защитников, кто

оттолкнул благодетелей? Кто они, если не богоборцы? Какое же прощение могут заслужить те, кто отвергли богов, признанных от века всеми эллинами и варварами, по всем городам и весям, во всевозможных священнодействиях, обрядах и мистериях, равно всеми царями, законодателями и философами, а предпочтение отдали тому, что только есть у людей нечестивого и безбожного? И какая кара не была бы правосудной для тех, кто бежал от обычаев предков, став ревнителями чуждых и всеми хулимых иудейских росказней? Разве это не низость, не слабодушие — с легкостью бросить свое родное, чтобы с неразумной и нерассуждающей верой принять <обычаи> нечестивцев, враждебных всем народам? Но не почитать даже и того самого бога, которого иудеи чтут по их установлениям, но проложить некий новый путь по пустынному бездорожью, на котором ни эллинских, ни иудейских <обычаев> не соблюдают?»

Таким образом, Порфирий подвергает уничтожающей критике и учение, и писание христиан. В отличие от Цельса, он не обращается к расхожим суевериям — за прошедшие два столетия они показали свою несостоятельность, кроме того, его критика сильна и без этого. В стороне оставлены и обвинения в нелояльности Риму. Более того, Порфирий готов признать целый ряд достоинств и за самим Христом, и за его последователями. Он говорит, что Иисус «праведник и, как все праведники, поднялся на небо». Порфирий сочувственно отзываясь о христианах, которых убивают за их веру: «Иисуса не надо хулить, а надо сожалеть о безумии людей, о возникшей из-за него для них серьезной, неотвратимой опасности».

Однако не все авторы, выступавшие против христиан, отличались такой терпимостью. В конце III в., почти одновременно с Порфирием, Сосиан Гиерокл пишет сочинение «Любитель истины» (Φιλᾶλήθης). Занимая высокие должности наместника Вифинии и префекта Египта, он принимал активное участие в проведении гонения при Диоклетиане. О его книге нам известно из опровержения Евсевия Кесарийского и нескольких слов Лактанция (*Божественные установления*, V, 2). Евсевий отзываясь о «Любителе истины» пренебрежительно: у Гиерокла, по его словам, «нет ничего своего, а совершенно бесстыдно нахвatanное из других сочинений: не только те же мысли, но и в тех же выражениях буквально» (*Против Гиерокла*, I). Из сочинения Лактанция нам известно, что Гиерокл обвинял христианское писание в лживости и противоречиях; сами апостолы «сеют ложь», так как они — «люди необразованные и несведущие», ибо некоторые из них зарабатывали на жизнь ремеслом рыбака. Гиерокл обвинял Иисуса и его спутников в разбое и, наконец, указывал на глупость христиан, которые из-за нескольких чудес Иисуса обожествили его, в то время, как чудотворец и философ Аполлоний Тианский «совершил такие же или даже более великие дела». «Итак, зачем же я упо-

мянул об этом (чудеса Аполлония)? Чтобы можно было сопоставить наше трезвое и точное суждение по каждому пункту с тупостью христиан. Ведь мы того, кто совершил такие дела, считаем не богом, а лишь угодным богу человеком; они же из-за нескольких каких-то чудес объявляют Иисуса богом».

Именно последний пункт и обратил на себя внимание Евсевия. Начав с критики сочинения Гиерокла, он почти сразу же переходит на разбор сведений об Аполлонии: «Мы обратимся к тому, что имеет отношение только к Аполлонию, поскольку у единственного писателя (Гиерокла) появилось теперь особое сравнение и сопоставление этого человека с нашим Спасителем» (*Против Гиерокла, 1*). Его противником очень скоро становится не Гиерокл, а Флавий Филострат, автор «Жизнеописания Аполлония Тианского», написанного около 217 г. В сочинении Филострата не содержится ни одного упоминания христиан⁵. Автор ни в какой мере не сопоставлял своего героя и Иисуса, но Аполлоний постепенно становится очень популярной фигурой среди язычников, и Евсевий делает все возможное, чтобы развенчать его. Он доказывает, что Аполлоний не «божественный муж», а нечестивец, колдун и шарлатан, а если он и творил чудеса, то исключительно с помощью демонов.

Последний автор, в открытую выступивший против христианства — император Юлиан (331–363 гг.). У Юлиана были давние счеты с христианами: они занимались его образованием, он находился под их постоянным контролем, по приказу христианина Констанция был убит его брат Галл, и в конце концов, под влиянием неоплатоников он стал убежденным язычником. Вступив на престол в 361 г., Юлиан не начал тотального преследования христиан, а уравнивал в правах сторонников всех религий. С монет и щитов исчезает христианская символика, церковь лишается льгот, предоставленных ей предыдущими императорами. Время его правления — это последняя попытка реставрации язычества. В сохранившихся письмах Юлиана мы видим, насколько он озабочен восстановлением пришедших в упадок храмов. Он пишет специальное наставление для языческих жрецов, в котором говорит об их положении и обязанностях (*Письма, 89*).

Юлиан требует от них непорочного поведения, запрещает им посещение театров и состязаний колесниц и чтение «нечестивой литературы» вроде стихов Архилоха или Гиппонакта. Они должны изучать философов, но не всех, а лишь тех, «кто избрал богов в наставники»: Пифагора, Платона, Аристотеля и стоиков. Жрецы должны для всех без различия содержать гостиницы и больницы, делить с бедными хлеб и вино, нищим подавать милостыню: «Стыдно

⁵ Аполлония Тианского сопоставлял с Иисусом и Порфирий, однако он ограничился только одной фразой. Некоторые чудеса Аполлония имеют сходство с чудесами Христа, например, изгнание демона из юноши (*IV, 20*) или воскрешение умершей девушки (*IV, 45*).

ведь, когда всем видно, что никто из иудеев не побирается, и даже нечестивые галилеяне кормят в равной степени и своих, и наших, а наши от нас никакой помощи не имеют», — пишет император верховному жрецу Галатии (*Созомен, Церковная история, V, 16*). Отметим, к слову, что некоторые нововведения Юлиан заимствовал именно у нелюбимых им христиан.

Основная идея Юлиана — противопоставление эллинского воспитания (*παιδεία*) и христианской необразованности (*ἀπαιδευσία*). Классическая культура для него — это единое целое, и невозможно признать поэзию Гомера без того, чтобы в то же самое время не верить в то, что он говорит о богах, или пользоваться философией Платона и одновременно отказаться от представления о предсуществовании души и метемпсихозе. Юлиан выступает против декларируемого христианами положения о союзе платонизма и христианства. Точно такое же отторжение вызывает у него идея об отделении высших достижений эллинской философии и культуры от языческой религии. Если христиане отказываются от языческих жертвоприношений, то они не должны и прибегать к помощи языческой философии для толкования евангелий: «Зачем вы присоединяетесь к эллинской науке, раз для вас достаточно чтения вашего писания?.. Ведь благодаря нашей науке всякий из вас, кто имеет благородные задатки, отступается от своей нечестивости; у кого сохранилась хоть капля дарования, тот тем скорее отказывается от вашей нечестивой религии. Поэтому важнее удерживать людей от наук, чем от жертвенного мяса».

Юлиану принадлежит сочинение «Против галилеян» (*Κατὰ τῶν Γαλιλαίων*), в котором он подверг критике христиан и их «духовных предков» — иудеев; перевод фрагментов этого труда осуществлен А. Б. Рановичем. Как и другие антихристианские труды, оно нам известно лишь из опровержений церковных писателей, прежде всего, Кирилла Александрийского. От сочинения Кирилла сохранились лишь первые десять книг, где он полемизирует с первой книгой Юлиана. Ритор Либаний, наставник императора, сообщает, что «Против галилеян» писалось «долгими зимними ночами» во время похода Юлиана в Персию, с июля 362 по март 363 г. (*Речь XVII, 18*).

Сам Юлиан так определяет задачи своей работы: выяснить, откуда явилось людям понятие бога, сопоставить эллинские и иудейские взгляды на божественное и, наконец, обратившись к галилеянам, рассмотреть, почему не остаются они ни при иудейском, ни при эллинском мнении, но встали на свой особый путь. Юлиан подвергает критике фундамент иудаизма и христианства — идею откровения. В откровении нет нужды, так как все люди обладают от рождения знанием бога, а кроме того, оно несовместимо с идеей неизменности божества. Сопоставляя рассказы о творении мира у Моисея и Платона, Юлиан подчеркивает сказочный характер ветхозаветной космогонии,

нападает на неправдоподобные рассказы о райском саде, творении человека, о Еве и змее, о вавилонской башне и заключает, что Моисей не смог толком описать творца этого мира.

Ветхозаветные представления о боге очень грубы. Бог изображается покровителем только одного народа, что очевидно нелепо: как мог создатель тысячи лет наблюдать, как бродит в потемках идолопоклонства все человечество за исключением одного маленького народа? «Уж если он — всем нам бог и всем нам равно творец, отчего же он так пренебрегал нами?» (106D). Бог Моисея — это бог только одного народа, а у других племен есть свои боги. Почему даже об этом народе он заботится только временами? Как может бог быть мстительным и завистливым, как он может заявить что-нибудь вроде: «Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого [рода]» (Исх. 20:5)? Бывает ли что-нибудь бессмысленнее уничтожения многих тысяч людей из-за того, что десять или пятнадцать человек нарушили одну заповедь? Наконец, насколько сопоставимы достижения богоизбранных иудеев и других народов? «А разве даровал вам бог положить начало науке или знанию философскому? Какому же?» — спрашивает Юлиан. Астрономия, геометрия, арифметика, музыка — это результат деятельности эллинов. «Покажите мне у евреев хоть одного полководца, равного Александру или Цезарю! Нет у вас таких... Ну а гражданское строение и суды, и городские порядки, и законы, и науки, и свободных искусств упражнение — разве все это у евреев не в жалком пребывает варварстве?» (178; 218–221). Несмотря на все эти недостатки евреев, Юлиан утверждает, что христиане еще хуже, ибо они восприняли худшие черты и от иудеев, и от эллинов: «От иудейского небрежения взяли они безбожие, а от нашего легкомыслия и несуразности — жизнь подлую и грязную» (43B).

Обращаясь непосредственно к критике христианства, Юлиан ведет наступление на двух направлениях — догматическом и моральном. Говоря о догматике, он оспаривает утверждение христиан о том, что Иисус не просто «божественный муж», но сам бог. Это — отказ от монотеизма, основного положения иудаизма, из которого выросло христианство. Юлиан доказывает, что ветхозаветные пророчества не имеют отношения ко Христу, и старается продемонстрировать, что даже новозаветные тексты не дают оснований считать Христа богом: это говорится только в евангелии от Иоанна, да и то «неясно и неотчетливо».

По традиции, Юлиан не обходит вниманием общие места антихристианской полемики — сотворенные Иисусом чудеса и идею о воскрешении тел. Он недоумевает: если все те чудеса, которые приписываются Христу, были действительно им совершены, то чем можно объяснить упрямое неверие иу-

деев? Более того, если совершенные чудеса — критерий божественности, то тогда, очевидно, бог врачевания Асклепий намного божественнее Христа: «Иисус же, прельстивший худших из вас, прославился тридцати с лишком лет от роду и за всю свою жизнь не совершил ничего достопамятного, если не считать, что исцеления слепых и хромых и заклинания бесноватых в деревушках Вифсаиде и Вифании являются великими подвигами». Воскрешение тел невозможно, ибо даже всемогущий бог не может явить то, что по самой своей природе подвержено гибели.

Обращаясь к моральной несостоятельности христиан, Юлиан спрашивает, что заставило их отказаться от иудейских обычаев (жертвоприношений, почитания субботы, пищевых запретов, обрезания), если Иисус сказал: «Не думайте, что я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не пройдет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не пройдет из закона, пока не исполнится все. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном» (*Ев. от Матфея 5:17–19*). Достается и апостолу Павлу, который, словно полип, «меняет свой цвет под цвет камня» и проповедует то одно, то другое в зависимости от того, что ему выгодно в данный момент. Кроме того, Павел извратил учение Христа; достаточно сравнить Нагорную проповедь с его посланиями.

Император Юлиан полемизировал с христианами не только в «Против галилеян», но и в других сочинениях, однако в целом уровень его критики невысок. Стиль и структура книги не отличаются изящной отделкой, часто Юлиан повторяется и излишне многословен. От Либания нам известно, что он следовал «старцу из Тира» — Порфирию, но при изучении сохранившихся фрагментов становится ясно, что его сочинение больше похоже на страстное обличение Цельса, чем на холодный рационализм Порфирия.

* * *

II–IV вв. — время роста влияния христианства, что всерьез беспокоило представителей образованного класса Империи. Христиане воспринимались ими как невоспитанные и необразованные фидеисты, от которых можно услышать одно только слово — «Верь!». Для тех, кто был воспитан на греческой классической философии, вера означала низшую ступень познания: это состояние ума необразованного человека, который следовал какому-то мнению, но был неспособен рационально обосновать свою веру. Позиция, занятая противниками христианства, сводилась к тому, что если у них есть Библия и вера, то они не должны претендовать на наследие греческой философии. Этот взгляд во II в. мог найти поддержку и у части самих христиан, напуганных свободой полета гностической мысли.

Если на первых порах языческая критика сводилась к обвинениям в разврате, ритуальных убийствах, безбожии и попросту глупости, тупости и упрямстве, то со временем полемика перешла на более высокий уровень; Цельс и Юлиан выступают с позиций философии, а Порфирий борется с христианами их собственным оружием — Ветхим и Новым Заветом.

Основная литература

Источники

Ранние отцы Церкви. Антология: мужи апостольские и апологеты. Брюссель, 1988.

Ранович А. Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990.

Ориген. Против Цельса / Пер. Л. Писарева. М., 1996.

Сочинения древних христианских апологетов / Под ред. А. Г. Дунаева. СПб., 1998.

Фокин А. Р. Ориген. Против Цельса. Книга V // Богословский Сборник [Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета] 1998–2001 (<http://periodical.pstgu.ru/ru/archiv>).

Греческие и римские авторы о евреях и иудаизме. Введения и комментарии М. Штерна. Русское издание под научной и литературной редакцией Н. В. Брагинской. Тт. I–III. М.-Иерусалим, 1997–2001.

Исследования

Болотов В. В. Лекции по истории древней Церкви. Т. 1–4. М., 1994.

Доддс Э. Р. Язычник и христианин в смутное время. Некоторые аспекты религиозных практик в период от Марка Аврелия до Константина. СПб., 2003.

Лебедев А. П. Христианский мир и эллино-римская цивилизация. Исследования по истории древней Церкви. СПб., 2005.

Морескини К. История патристической философии / Пер. Л.П. Горбуновой. М., 2011.

Спасский А. А. Эллинизм и христианство. СПб., 2006.

Дополнительная литература

Общие работы

Attridge H. The Philosophical Critique of Religion under the Early Empire // *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*. Vol. 2.16.1. Berlin, 1980. P. 45–78.

Benko S. Pagan Criticism of Christianity During the First Two Centuries A.D. // *Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt*. Vol. 2.23.2. Berlin, 1980. P. 1055–1118.

Cochrane C. N. Christianity and Classical Culture: A Study of Thought and Action from Augustus to Augustine. New York, 1957.

Hargis J. W. Against the Christians. The Rise of Early Anti-Christian Polemic. New York, 1999.

Lane Fox R. Pagans and Christians in the Mediterranean World from the Second Century AD to the Conversion of Constantine. London, 1986.

Guterman S. L. Religious Toleration and Persecution in Ancient Rome. London, 1951.

MacMullen R. Christianizing the Roman Empire, A.D. 100–400. New Haven, 1984.

Wilken R. L. The Christians as the Romans Saw Them. New Haven, CT: Yale University, 1984.

Лукиан

Bagnani G. Peregrinus Proteus and the Christians // *Historia*. Bd. 4. 1955. P. 107–112.

Betz H. D. Lukian von Samosata und das Christentum // *Novum Testamentum*. Bd. 3. 1959. S. 229–234

Bremmer J. N. Peregrinus' Christian Career // *Flores Florentino: Dead Sea Scrolls and other early Jewish studies in honour of Florentino Garcia Martinez / Ed. by A. Hilhorst, E. Puech, E. Tigchelaar*. Leiden, 2007. P. 729–747.

Edwards M. J. Lucian of Samosata in the Christian Memory // *Byzantion*. Vol. 80. 2010. P. 142–156.

Edwards M. J. Satire and Verisimilitude: Christianity in Lucian's "Peregrinus" // *Historia*. Bd. 38. 1989. P. 89–98.

Hartog P. Lucian of Samosata's Death of Peregrinus and Second-Century Christian Martyrdom // *Studia Patristica*. Vol. 74. 2016. P. 57–69.

Jones C. P. Culture and Society in Lucian. Cambridge, London, 1986.

Lefebvre K. Parallel Plays: Lucian's Philosophers and the Stage // *Illinois Classical Studies*. Vol. 41. 2016. P. 201–218.

Pack R. The "Volatilization" of Peregrinus Proteus // *American Journal of Philology*. Vol. 67. 1946. P. 334–345.

Spickermann W. Philosophical Standards and Individual Life Style: Lucian's Peregrinus/Proteus — Charlatan and Hero // *Religious Dimensions of the Self in the Second Century CE / Ed. By J. Rüpke, G. Woolf*. Tübingen, 2013. P. 175–191.

Маргулес Б. Б. Лукиан и раннее христианство // *Вопросы научного атеизма*. Вып. 13. М., 1972. С. 321–350.

Пантелеев А. Д. «Мученичество Поликарпа» и «О смерти Перегринуса» Лукиана: еще раз о старом споре // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. Вып. 21. 2017. С. 642–652.

Фронтон

Baldwin B. Fronto on the Christians // *Illinois Classical Studies*. 1990. Vol. 15. P. 177–181.

Büchner K. Drei Beobachtungen zu Minucius Felix // *Hermes*. Bd. 82. 1952. S. 231–245.

Clarke G. W. The Octavius of Minucius Felix. New York, 1976.

Henrichs A. Pagan Ritual and the Alleged Crimes of the Early Christians // *Kyriakon. Festschrift Johannes Quasten*. Vol. 1. Münster, 1970. P. 18–35.

Rives J. Human Sacrifice among Pagans and Christians // *Journal of Roman Studies*. Vol. 85. 1995. P. 65–85.

Simpson A. D. Epicureans, Christians, Atheists in the Second Century // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. Vol. 72. 1941. P. 372–381.

Спасский А. А. Октавий Минуция Феликса // *Богословский Вестник*. 1911. Вып. 5. С. 162–193.

Шнайдер Л. Д. Диалог «Октавий» в контексте религиозно-философской полемики между христианством и язычеством // *Идеи и идеалы*. 2019. № 39. С. 145–161.

Цельс

Andresen C. Logos und Nomos: Die Polemik des Kelsos wider das Christentum. Berlin, 1955.

Burke G. T. Celsus and Justin: Carl Andresen Revisited // *Zeitschrift für die Neutestamentliche Wissenschaft*. Vol. 76. 1985. P. 107–116.

Burke G. T. Celsus and the Old Testament // *Vetus Testamentum*. Vol. 36. 1986. P. 241–245.

Chadwick H. Origen, Celsus, and the Resurrection of the Body // *Harvard Theological Review*. Vol. 41. 1948. P. 83–102.

Chadwick H. Origen: *Contra Celsum*. Cambridge, 1953.

Gamble H. Y. Euhemerism and Christology in Origen: *Contra Celsum* III 22–43 // *Vigiliae Christianae*. Vol. 33. 1979. P. 12–29.

Hauck R. J. *Omnes Contra Celsum?* // *Second Century*. Vol. 5. 1986. P. 211–225.

Hoffmann R. J. *On the True Doctrine: A Discourse Against the Christians*. New York, 1987.

McCartney D. G. Literal and Allegorical Interpretation in Origen's *Contra Celsum* // *Westminster Theological Journal*. Vol. 48. 1986. P. 281–301.

Remus H. *Outside/Inside: Celsus on Jewish and Christian Nomoi* // *Religion, Literature, and Society in Ancient Israel. Formative Christianity and Judaism*. Vol. 2 / Ed. by J. Neusner et al., 133–150. Lanham, 1987.

Rosenbaum H.-U. Zur Datierung von Celsus' ΑΛΗΘΗΣ ΛΟΓΟΣ // *Vigiliae Christianae*. Vol. 26. 1972. P. 102–111.

Watson G. Celsus and the Philosophical Opposition to Christianity // *Irish Theological Quarterly*. Vol. 58. 1992. P. 165–179.

Порфирий

Anastos M. V. Porphyry's Attack on the Bible // The Classical Tradition: Literary and Historical Studies in Honor of Harry Caplan / Ed. by L. Wallach, 1966. P. 421–450.

Barnes T. D. Porphyry Against the Christians: Date and Attribution of Fragments // Journal of Theological Studies. Vol. 24. 1973. P. 424–442.

Casey P. M. Porphyry and the Origin of the Book of Daniel // Journal of Theological Studies. Vol. 27. 1976. P. 15–33.

Croke B. The Era of Porphyry's Anti-Christian Polemic // Journal of Religious History. Vol. 13. 1984. P. 1–14.

Hoffmann R. J. Porphyry's "Against the Christians": The Literary Remains. Amherst, 1994.

Magny A. Porphyry in fragments. Reception of an anti-Christian text in late antiquity. London, 2014.

Meredith A. Porphyry and Julian Against the Christians // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Vol. 2.23.2. Berlin, 1980. P. 1119–1149.

Simmons M. B. Universal Salvation in Late Antiquity. Porphyry of Tyre and the Pagan-Christian Debate. Oxford, 2015.

Юлиан

A companion to Julian the Apostate / Ed. by S. Rebenich, H.-U. Wiemer. Leiden, 2020.

Athanassiadi-Fowden P. Julian and Hellenism: An Intellectual Biography. Oxford: Clarendon Press, 1981.

Bidez J. La Vie de empereur Julien. Paris. 1930.

Bowersock G. W. Julian the Apostate. Cambridge, 1978.

Browning R. The Emperor Julian. London, 1975.

Kaiser Julian ‚Apostata‘ und die philosophische Reaktion gegen das Christentum / Hrsg. von C. Schäfer. Berlin, New York, 2008.

Meredith A. Porphyry and Julian Against the Christians // Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Vol. 2.23.2. Berlin, 1980. P. 1119–1149.

Teitler H. C. The last pagan emperor. Julian the Apostate and the war against Christianity. Oxford, 2017.

